

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт востоковедения

В. М. Алпатов

СЛОВО
И ЧАСТИ РЕЧИ

Издательский Дом ЯСК
Москва 2018

УДК 80/81
ББК 81
А 51

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 18-112-00047, не подлежит продаже

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института востоковедения РАН*

Алпатов В. М.

А 51 Слово и части речи. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. — 256 с.—
(Studia philologica.)

ISBN 978-5-6041006-4-6

В книге речь идет о «вечных» проблемах языкознания: проблеме слова и проблеме частей речи. Эти проблемы стоят перед европейской наукой уже более двух тысячелетий, однако никакого теоретического единства в их трактовке не существует; имеющиеся многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом. Представляется, что для решения проблемы «Что такое слово?» стоит выйти за пределы «чистой» лингвистики и обратиться к изучению вопроса о психолингвистическом механизме человека.

Издание рассчитано на специалистов-языковедов, аспирантов и студентов-филологов и всех, кто интересуется теоретическими проблемами лингвистики.

УДК 80/81
ББК 81

ISBN 978-5-6041006-4-6

9 785604 100646 >

© В. М. Алпатов, 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Проблема слова	13
1.1. Словоцентрический подход к языку	13
1.2. Несловоцентрические подходы к языку	16
1.3. Определения слова	21
1.4. О разных значениях термина «слово»	30
1.4.1. Фонетические слова (акцентуационное, фонетически отдельное и др.)	30
1.4.2. Синтаксическое слово (синтаксема)	33
1.4.3. Слово-высказывание	33
1.4.4. Морфологические слова	35
1.4.5. Лексические слова (лексема и вокабула)	43
1.4.6. Орфографическое слово	45
1.5. Соотношение словоцентрического и несловоцентрических подходов	46
1.6. Следует ли обходиться без слова?	53
1.7. Японская лингвистическая традиция и ее представления о слове	55
1.8. Эскурс о японских падежах	63
1.9. Проблема слова в других лингвистических традициях	65
1.10. Афазии, детская речь и проблемы слова	71
1.11. Слово как психолингвистическая единица	85
1.12. Бывают ли языки без морфологии?	90
ГЛАВА ВТОРАЯ. Проблема частей речи	103
2.1. Части речи и проблема слова	103
2.2. Части речи в европейской традиции	105
2.3. Эскурс о нестандартных частях речи русского языка	112

2.4. Части речи как морфологические классы	115
2.5. Части речи как дистрибуционные классы	121
2.6. Части речи как семантические классы	124
2.7. Части речи как синтаксические классы	135
2.8. Существуют ли языки без частей речи?	143
2.9. Классификация служебных слов	154
2.10. Части речи в других лингвистических традициях.	158
2.11. Части речи как психолингвистические классы.	163
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку	170
3.1. История двух подходов к языку	170
3.2. О влиянии родного языка на русских, англо-американских и прочих лингвистов.	188
3.3. Словарные и грамматические языки	197
3.4. О различиях двух подходов	207
ЛИТЕРАТУРА	219
Аннотация	241
Именной указатель	247
Указатель языков	253

ВВЕДЕНИЕ

В этой книге речь пойдет о «вечных» проблемах языкознания: проблеме слова и проблеме частей речи. Эти проблемы стоят перед европейской наукой уже более двух тысячелетий, затрагивались они и в других лингвистических традициях. Существует необозримое множество теоретических и практических сочинений, где о них так или иначе говорится; я, разумеется, не претендую на их исчерпывающее рассмотрение. Они эксплицитно или имплицитно затрагиваются в любой грамматике любого языка (кроме некоторых грамматик, написанных с позиций генеративизма). Однако никакого теоретического единства в трактовке этих «вечных» проблем не существует; имеющиеся многочисленные концепции слова и частей речи разнообразны и часто несопоставимы друг с другом. Этот факт многократно отмечался в науке. Из множества высказываний для примера приведу два. Одно, принадлежащее Д. Н. Шмелеву, написано более сорока лет назад: «Уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые существенно отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме (и то не всегда) самих их авторов... Сама возможность появления приемлемой для большинства лингвистов дефиниции слова представляется, по крайней мере, сейчас, довольно сомнительной» [Шмелев 1973: 35]. С тех пор ситуация не изменилась, вот высказывание уже XXI в. в другой стране: «Несмотря на выдающуюся роль понятия слова в нашем повседневном осмыслении языка, наше понимание природы слов все еще ограничено» [Даль 2009 [2004]: 308]. Аналогично дело обстоит и с частями речи. Встает вопрос о причинах такой ситуации, который и является главной темой книги.

Несмотря на разброс теоретических точек зрения, для многих языков, включая, пожалуй, все или почти все языки Европы, существует устойчивая традиция проведения словесных границ и классификации слов по частям речи. Эта традиция могла частично меняться

со временем (например, в европейской традиции некогда единую часть речи — имя позже разделили на существительные и прилагательные, см. 2.2), возможны споры и неясности в периферийных случаях, но с античных времен такая традиция существует. Д. Н. Шмелев верно обратил внимание на то, что авторы многих определений слова могут ими практически не пользоваться (ниже будет рассмотрен, например, случай Л. Блумфилда), поскольку исходят из принятой традиции. Обычно определения являются не основой для исследовательских процедур, а попыткой обосновать то, что лингвисту уже известно заранее; это не исключает их процедурного использования, но лишь в периферийных спорных случаях. Такой подход чаще существует в неявном виде, однако иногда эксплицируется, как это сделал А. И. Смирницкий, рассматривая проблему отграничения слов от частей слов [Смирницкий 1952: 188].

Проблемы слова и частей речи для языков со сложившейся традицией описания — в основном теоретические, мало влияющие на традицию их выделения на практике. Иная ситуация имеет место для ряда других языков, прежде всего менее изученных, но иногда и языков, казалось бы исследованных досконально: японского, китайского (замечу, что в обоих этих языках слова на письме не отделяются пробелом). Для выделения слов и классификации по частям речи в этих языках либо нет устойчивой традиции, либо имеется разброс мнений, в том числе для разных стран или разных поколений лингвистов в одной стране. Для некоторых языков также существуют национальные традиции, но они создают проблемы их совместимости с европейской традицией; этот вопрос будет рассмотрен в 1.7–1.9 и 2.10. Для всех таких языков западный или российский специалист либо вступает на опасный путь использования интуиции носителя своего собственного языка (миссионерские грамматики), либо исходит из собственного определения слова или частей речи. В последнем случае различие теоретических позиций существенно меняет интерпретацию фактов.

Вот, например, определения слова в двух грамматиках японского языка, принадлежащие двум отечественным ученым разного времени: Е. Д. Поливанову (1930) и И. Ф. Вардулю (1964). Первое определение: «Для отличия слова от части слова, с одной стороны, и от словосочетания, с другой — существует общий для всех языков критерий, выражающийся в следующей синтаксической характеристике слов: слово есть потенциальный *minimum* фразы, т. е. тот комплекс...

который может быть употреблен — при тех или иных условиях коммуникации — в качестве целой фразы, но который в свою очередь уже не разложим на части, способные фигурировать в качестве целой фразы... Но кроме этого общего (синтаксического) признака слова в каждом языке есть свои особые внешние, т. е. фонетические признаки, характеризующие слово, в отличие от части слова и словосочетания. К ним относятся: 1) признак акцентуационный, 2) признаки, состоящие в потенциальной характеристике начала или конца слова, или же, наоборот, середины слова» [Плетнер, Поливанов 1930: 144–145¹]. Второе определение: «Первое исходное положение: последовательность морфем в словоформе устойчива, изменение ее ведет к разрушению словоформы... Второе исходное положение: вклинение слова в ряд морфем возможно только на стыке морфем, принадлежащих разным словам... Третье исходное положение: морфема, способная вклиняться между словами, сама есть слово» [Вардуль 1964: 35].

Хотя оба автора употребляют один и тот же термин *слово*, они используют совершенно разные критерии: Е. Д. Поливанов — синтаксические и фонетические, И. Ф. Вардуль — морфологические. Не удивительно, что разные определения ведут к разному членению японского текста на слова: например, падежные показатели (так называемые *ганио*) Е. Д. Поливанов считал аффиксами [Плетнер, Поливанов 1930: 145–146], а И. Ф. Вардуль — служебными словами [Вардуль 1964: 33–36]. Подробнее вопрос о японском слове будет рассмотрен в разделах 1.7 и 1.8.

Не меньший разноречивостью наблюдается и в отношении частей речи. Для того же японского языка Е. Д. Поливанов выделял всего три [Плетнер, Поливанов 1930: XV–XXXV], а Н. И. Фельдман — девять частей речи [Фельдман 1960: 31–39].

Описывать язык, вовсе не используя понятия слова и части речи, оказывается весьма сложным, если, конечно, не заниматься простым переименованием терминов, как это часто делается, например, в американской лингвистике, где *parts of speech* превращаются в *word classes*. Особый вопрос составляет, однако, генеративный подход к языку, при котором меняются многие принципы рассмотрения языкового материала и понятия слова и частей речи действительно могут

¹ Грамматика принадлежит двум авторам, но данный раздел целиком написан Е. Д. Поливановым.

оказаться несущественными. Особенно это касается вопроса о слове, тогда как генеративные концепции частей речи (при данном подходе не обязательно понимаемых как классы слов) существуют в немалом количестве; см., например, [Baker 2004]. Впрочем, концепции, отрицающие полезность понятия слова, встречаются и вне генеративизма, недавний пример — [Haspelmath 2011]; эти концепции будут рассмотрены в разделе 1.6.

Цель книги — разобраться в существующих точках зрения на два данных вопроса и выявить причины имеющихся расхождений. Такой критический анализ, пусть не первый и не последний, как я надеюсь, может быть полезен.

Многообразии точек зрения, не уменьшающееся со временем, наводит на мысль: а можно ли вообще считать, что в каждом случае следует рассчитывать на выработку единственной концепции, отражающей истину и превосходящей все остальные? Конечно, среди имеющихся подходов могут быть неадекватные и противоречивые; тем не менее и сама их противоречивость может оказаться не случайной. Но нередко несовместимые друг с другом и дающие разные результаты подходы оказываются для тех или иных целей вполне разными и плодотворными.

Не только в языкознании, но в любой науке в наше время, по-видимому, уже нельзя исходить из жесткого представления о существовании единственной адекватной концепции и порочности всех остальных точек зрения. Хорошо известно, что истина относительна, а приближение к ней бесконечно и может идти с разных сторон. Часто и противоположные по своему подходу концепции могут содержать рациональное зерно. И разные концепции, включая лингвистические, могут оказаться правильными, но неполными, отражая некоторую реальность, но не всегда ту же самую.

Многие концептуальные различия могут быть связаны просто с тем, что одним и тем же термином называют разные сущности. Например, многие еще помнят бурные споры между Московской и Ленинградской фонологическими школами. Однако время показало, что ни одна из концепций не была ошибочной, просто термином «фонема» называли разные единицы языка, на что еще давно указывал С. И. Бернштейн [Бернштейн 1962]. Нечто аналогичное, как будет показано ниже, имеет место и в отношении слова и частей речи. Но возможна и принципиальная несовместимость концепций. Принцип

дополнительности, введенный Н. Бором в квантовую механику, согласно которому разные свойства объекта не могут быть установлены одновременно, оказывается необходимым и для науки о языке, на что обращал внимание Р. Якобсон [Якобсон 1985 [1970]: 403–404]. И само именование разных сущностей одним термином может быть не случайно и отражать фундаментальные различия подходов.

Автор не ставит перед собой задачу описания новых языковых фактов (хотя иногда хочется обратить внимание лингвистов иных специальностей на факты некоторых языков, прежде всего японского, которым я уже много лет занимаюсь). Основное внимание уделяется тому, как эти факты интерпретируются лингвистами различных школ и направлений; как уже говорилось, задача исчерпывающего учета всех таких интерпретаций нереальна и здесь не ставится. Наряду с европейской лингвистической традицией и выросшей из нее мировой лингвистикой последних столетий учитываются и лингвистические традиции других народов, более всего японская традиция, недостаточно известная за пределами Японии. Вряд ли целесообразно отвергать национальные традиции как «донаучные», а вопрос о выделении слов и частей речи в языках различного строя требует и учета того, как они выделяются самими носителями языка (если, конечно, об этом что-то известно). Кроме того, учитывается игнорируемая многими лингвистами литература по психолингвистике и механизмам речи, включая нейролингвистическую (в том числе по афазиям), поскольку она помогает понять, на чем основана традиция выделения слов и частей речи.

Данное исследование возникло как попытка обосновать принципы выделения слов и частей речи в японском языке, первоначально сформулированные в книге [Алпатов 1979a]; эти принципы с тех пор я во многом пересмотрел. Поэтому в нем большинство примеров приводится из японского и русского языков, менее систематично используется и материал некоторых других языков, в основном Европы и Азии. Вполне возможно, что этот материал неполон и требует корректировок на основе фактов языков других ареалов.

Первый вариант книги был написан в 1984 г., однако он далеко не во всем меня удовлетворял, и работа продолжалась. Сокращенный вариант второй главы в первоначальном виде вошел в книгу [Части речи 1990], третья глава в первом варианте была опубликована в виде статьи [Алпатов 1993]. Однако монография в целом виде в те годы так

и не была опубликована (исключительно по внутренним причинам). Теперь автор все же решил представить ее после дополнительной переработки на суд читателя. Конечно, за прошедшие годы появилось немало новой литературы по ее теме (хотя представляется, что сейчас эта тема, особенно в аспекте слова, не так популярна, как 50 или 100 лет назад), которую автор старался учесть. Но, весьма вероятно, в данной книге имеются пробелы в этом отношении, за которые автор приносит извинения.

Книга состоит из трех глав. Первая глава посвящена слову, вторая — частям речи, третья, самая короткая глава рассматривает наиболее общие вопросы, касающиеся подходов науки о языке в целом к своему предмету.

Автор благодарит Я. Г. Тестельца и П. М. Аркадьева за неоценимую помощь в поисках необходимой литературы и А. А. Кибрика за ценные замечания.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА СЛОВА

1.1. Словоцентрический подход к языку

Как известно, мировая лингвистика генетически восходит к европейской лингвистической традиции, имеющей античные истоки (о других традициях речь пойдет в разделах 1.7–1.9). Языковеды самых разных школ продолжают использовать многие понятия, присутствовавшие еще в древнегреческих и римских грамматиках. К их числу относится и понятие слова — центральное понятие европейской традиции на всех этапах ее развития. Напомню известные слова Ф. де Соссюра: «Слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка» [Соссюр 1977 [1916]: 143]. Видный отечественный лингвист П. С. Кузнецов указывал: «Слово (применительно к любому языку) представляет собой едва ли не единственную единицу, представление о которой имеет любой говорящий, даже неграмотный, чего нельзя сказать... о других, значимых единицах, больших и меньших слова» [Кузнецов 1964: 75]. Об этом же говорят и в наши дни: «слово — основная единица естественного языка» [Мельчук 1997: 7]; см. также тезис Э. Даля о роли слова в «повседневном осмыслении языка». Он же пишет: «В традиционной грамматике (с точки зрения, преобладающей по крайней мере в западной культуре), основным строительным блоком является слово» [Даль 2009 [2004]: 313]. При этом, как отмечал еще Л. В. Щерба, «отдельные слова не даны нам в речи. Кратчайшими отрезками этой последней являются группы слов (могущие, конечно, состоять и из одного слова)» [Щерба 1974: 326]. Сразу можно сказать, что для признания центральной роли слова должны быть иные основания.

Уже античные ученые исходили из первичности слова по отношению ко всем другим единицам языка. Значимые единицы меньшей протяженности, как и единицы, промежуточные между словом и предложением, не выделялись вообще [Античные 1936: 24, 61–62; Matthews 2003: 283]². Например, Аристотель писал: «Имя есть звук, наделенный значением в соответствии с соглашением... никакая отдельная часть которого не наделена значением... Глагол есть [слово], которое обозначает еще и время, никакая часть которого в отдельности не наделена значением» [Аристотель 1978: 93–94]. Или более поздний схолий к Дионисию Фракийцу (II в. до н. э.): «Слово — мельчайший членораздельный звук, неделимый на части, особо высказанный и особо подуманный, проводимый под одним ударением и придыханием» [Античные 1936: 117]. Предложение определялось через слово, см. определение Дионисия: «Предложение — соединение слов, выражающее законченную мысль» (цитируется по [Оленич 1980: 216])³. Слово, таким образом, было первичной единицей анализа (я вернусь к этому вопросу в 1.11). Такой подход может быть назван словоцентрическим.

В Новое время анализ усложнился за счет добавления новых единиц, прежде всего корня и аффикса (с XVI в.; по мнению ряда исследователей [Блумфилд 1968 [1933]: 187; Matthews 1974: 73], под влиянием семитских традиций). Впервые они появились в грамматике древнееврейского языка И. Рейхлина (1506); впрочем, например, в Англии эти понятия утвердились лишь в XIX в. [Matthews 2003: 283]. Еще позже, с конца XIX в., они были обобщены в понятии морфемы (впервые у И. А. Бодуэна де Куртенэ). Понятие морфемы оказалось совместимо со словоцентризмом: в таком случае она рассматривается как минимальная значимая часть слова. Появились, в том числе в русистике, и другие единицы, также второстепенные по сравнению со словом и предложением: основа слова, словосочетание. При словоцентрическом подходе грамматический анализ начинается с описа-

² Правда, сложные слова рассматривались как слова, состоящие из слов, тем самым их компоненты выделялись как особые единицы, однако они приравнивались к словам.

³ Впрочем, Дионисий равным образом определял и слово как наименьшую часть предложения. Однако слово могло рассматриваться и вне предложения и характеризовалось независимо от него [Оленич 1980: 216], тогда как предложение трактовалось только как сочетание слов.

ния слов, остальные единицы либо отсутствуют, либо появляются на дальнейших этапах. Суть такого подхода охарактеризовал, например, А. И. Смирницкий: «Слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово... Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже самого слова, словосочетания же, как правило... уже выходят за пределы словарного состава языка» [Смирницкий 1955: 11]. Слово — не только главное понятие грамматики, но и главное понятие языкознания вообще: язык — «совокупность способов выражения мысли при помощи слов» [Дурново 1924: 143]. Хочется отметить и идею о различиях между словом как реальной сущностью и другими единицами (например, корнями) как абстракциями. А. А. Потебня писал: «Только слово имеет в языке реальное бытие» [Потебня 1958 [1874]: 26]; сходные идеи в другое время и в другой стране высказывал Э. Сепир [Сепир 1993 [1921]: 50]. К этой идее я вернусь в 1.10–1.11.

Традиционно при словоцентрическом подходе слово по существу не определяется. Исключение составляли разве что античные и средневековые определения слова как минимальной значимой единицы, но они потеряли силу после введения понятий корня и аффикса. Все же «определения» слова при данном подходе не направлены на то, чтобы с их помощью членить текст на слова; их цель — выявить некоторые свойства уже известных единиц. Чаще всего просто обходятся без определения слов, предполагая, что читатель уже представляет, что это такое. Например, А. М. Пешковский не определял слово и начал свою книгу фразой: «Огромное количество слов русского языка распадается в нашем уме на части» [Пешковский 1956 [1928]: 11]⁴. Так бывает и в западных работах, например [Fries 1940]. Разумеется, на исследователей последних столетий влияет орфография с пробелами, но само существование пробела производно от словоцентризма, см. 1.4.6.

Словоцентрический подход безраздельно господствовал до конца XIX в. Но и после формирования иных подходов он оказался совме-

⁴ А. М. Пешковский как раз занимался вопросами определения слова в другой работе [Пешковский 1925]. Но в книге, адресованной широкому читателю, он счел оправданным обойтись без этого.

стим с новыми, в том числе структурными, методами. Это проявлялось и во многих формализованных исследованиях, исходивших из понимания слова как последовательности между пробелами, и в теоретических работах, например А. И. Смирницкого [Смирницкий 1952; 1954; 1955], которые далее будут специально рассматриваться. Наиболее стойко держатся его позиции в отечественной лингвистике, особенно в русистике, что представляется не случайным и связанным с типологическими особенностями русского языка (см. раздел 10 первой главы и третью главу).

1.2. Несловоцентрические подходы к языку

На грани XIX и XX вв. в языкознании получили распространение принципиально иные подходы к выделению единиц языка, которые можно назвать несловоцентрическими. Эти подходы, в отличие от принципиально единого словоцентрического подхода, могут существенно различаться между собой, однако общая их черта — отказ от представления о слове как исходной и заранее очевидной единице анализа.

Вероятно, первым из ученых, поставивших словоцентрический подход под сомнение, был И. А. Бодуэн де Куртенэ. Его точка зрения со временем менялась, окончательно он выразил несловоцентрический подход в поздних работах: энциклопедической статье «Язык и языки» (1904) и учебнике «Введение в языковедение» (1908). Обе работы (учебник в отрывках) представлены в двухтомнике [Бодуэн 1963], а учебник позднее переиздан [Бодуэн 2004 [1908]].

Исходной единицей анализа ученый считал предложение. Производятся два независимые друг от друга его членения: интонационно-фонетическое (до фонем как предельных единиц анализа, одна из промежуточных единиц — «фонетическое слово») и морфологическое. При последнем выделяются последовательно «сложные синтаксические единицы», «простые синтаксические единицы» («семасиологически-морфологические слова») и предельные единицы — морфемы. В энциклопедической статье предложение *На то щука в море, чтоб карась не дремал* на уровне «сложных синтаксических единиц» членится на две части: *на то щука в море* и *чтоб карась не дремал*. Далее выделяются пять «простых синтаксических единиц»: *на то, щука, в море, чтоб не дремал, карась* и тринадцать морфем: *на, т, о, щук, а, в, мор, е, чтоб, карась, не, дрема, л* [Бодуэн 1963. Т. 2: 78]. Аналогичным